

возбужденной нервной системы. Листъ началъ постепенно поправляться.

Въ періодъ выздоровленія Листъ очень много читалъ: кромѣ книгъ религіознаго содержанія, любимымъ его чтеніемъ были сочиненія Шатобріана, котораго «Рене» онъ выучилъ даже всего на память. Это сочиненіе производило на Листа глубокое впечатлѣніе; слова «Рене»: «un instinct secret me tourmente» неотступно преслѣдовали его фантазію и его мысли, и сдѣлались девизомъ его собственнаго, еще невыяснивагося душевнаго настроенія и тѣхъ противорѣчій и сомнѣній, появленіе которыхъ онъ и самъ не зналъ какъ объяснить. Вопросы, вызванные сомнѣніями, привели къ жаднѣ знанія; онъ хотѣлъ все знать и съ жадностью набросился на книги. При недостаткѣ предварительной подготовки и при отсутствіи руководителя, въ этомъ чтеніи не было никакого плана, никакой системы. Онъ читалъ авторовъ самыхъ разнообразныхъ направленій: скептика Монтэна и мистика аббата Ламенэ, Вольтера и Ламартина, С. Бѣва, Балланша, Руссо, Шатобріана и проч. Онъ переходилъ отъ одного сочиненія къ другому, отыскивая въ нихъ великое новое слово и, волнуемый противоположными впечатлѣніями, не находилъ спокойствія. «Un instinct secret me tourmente» — оставались безъ разрѣшенія.

Подъ вліяніемъ этого чтенія, его убѣжденія, казалось, радикально измѣнились; съ тою же страстностію, съ какою еще недавно онъ посѣщалъ церкви — теперь онъ началъ посѣщать театры. Его любимой драмой была «Маріонъ Делормъ»; его часто встрѣчали въ театрѣ «Porte St. Martin»; также онъ любилъ посѣщать оперу и въ зиму 1829—1830 г. его приводилъ въ энтузіазмъ «Вильгельмъ Телль», не столько музыкой, сколько своимъ сюжетомъ, а главное героемъ Теллемъ — освободителемъ угнетенныхъ. Но это стремленіе къ свѣтскимъ развлеченіямъ продолжалось недолго; религіозность все-таки оставалась его основнымъ настроеніемъ, хотя болѣе не изолировала его, какъ прежде, отъ жизни. Какъ виртуозъ, онъ въ то время рѣдко выступалъ въ публичныхъ концертахъ и всегда неохотно, сознавая что его художественные идеалы и выборъ исполняемыхъ пьесъ все болѣе и болѣе удалялись отъ господствовавшихъ въ то время въ парижской публикѣ вкусовъ. Тогдашніе парижскіе піанисты, Калькбреннеръ, Герцъ, Плейель и др. играли въ концертахъ почти исключительно свои собственныя салонныя пьесы и рѣдкій изъ нихъ отваживался на исполненіе чужихъ произведеній, находя это трудомъ утомительнымъ и неблагодарнымъ. А Листъ